

Н.В. КОРОВИЦЫНА

СЛОВАЦКОЕ ОБЩЕСТВО НА ПУТИ МОДЕРНИЗАЦИИ ПОСЛЕ 1989 года

Неоспоримый факт – ускоренная индустриализация Словакии пришлась на период реального социализма. После окончания Второй мировой войны словацкое общество оставалось преимущественно аграрным, сельским, т.е. сохраняло “досовременный” облик. В 1948 г. в сельском хозяйстве было занято свыше 60% экономически активного населения. К 1963–1964 гг. восточные регионы Чехословакии превратились в индустриально-аграрные. Это означает, что занятость в промышленности тогда впервые превысила сельскохозяйственную¹. В 1970-е годы доля аграрного сектора снизилась до менее 20%. За годы социалистической индустриализации как основы модерн-проекта советского типа республика совершила долгожданный рывок в развитии – больший, чем за многие предшествующие исторические этапы. По показателям структуры народного хозяйства ей удалось преодолеть отставание от промышленно развитых Чешских земель в 50–80 лет, существовавшее в первые послевоенные годы. В течение довольно короткого времени Словакия достигла и перевеса городского населения над сельским, хотя темп урбанизации был ниже по сравнению с индустриализацией. В 1950 г. доля горожан составляла 26,2%, в 1970 г. – 37,0%, в 1980 г., наконец, преодолела границу 50%². Цивилизационные сдвиги происходили в атмосфере массового созидательного настроения³.

Социалистическая или индустриальная модернизация основывалась на политике полной занятости, нивелизации оплаты труда, позитивной дискриминации нижних слоев в сфере образования. Заработок не предопределял, как раньше, положение в общественной иерархии, его важным фактором стал значительно возросший уровень образования населения. По переписи 1980 г. в категории 25–29-летних лишь каждый четвертый гражданин Словакии обладал неполным (восьмилетним) средним образованием, тогда как у людей старше 60 лет – свыше 80%⁴. В первом, а особенно во втором послевоенном поколении, сформировались многочисленные средние и высшие слои словацкого общества. Вскоре после следующей смены систем, в 1993 г., к этим группам принадлежало 44% экономически активного населения, тогда как в 1967 г. – 29%⁵.

Оценивая в самом начале нового века различные периоды современной истории страны, словацкие граждане отдали приоритет 1970–1980-м годам (период “норма-

Коровицына Наталья Васильевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

¹ *Londák M.* *Ekonomika na Slovensku po štyridsiatich rokoch komunizmu. – 20 rokov samostatnej Slovenskej republiky. Jedinečnosť a diskontinuita historického vývoja.* Bratislava, 2013, s. 200.

² *Strapcová K.* *Sociálny status a vzdelanostná mobilita na Slovensku v povojnových rokoch 1948–1989. – Triedy a stratifikácia v sociálnej zmene Slovenska.* Bratislava, 2008, s. 66.

³ *Lipták L.* *Slovensko v 20. storočí.* Bratislava, 1998, s. 317–318. См. также: *Коровицына Н.* *С Россией и без нее: восточноевропейский путь развития.* М., 2003.

⁴ *Strapcová K.* *Sociálny status....*, s. 78.

⁵ *Bunčák J., Džambazovič R., Sopóci J.* *Vývoj sociálnej stratifikácie slovenskej spoločnosti v posledných dvoch desaťročiach. – 20 rokov samostatnej Slovenskej republiky,* s. 591.

лизации”) и позитивно охарактеризовали 1960-е годы. Наиболее критически они отнеслись к текущему периоду развития⁶: к этому времени реальный капитализм успел продемонстрировать им свою слабую привлекательность⁷. Иначе формировалось отношение людей к реальному социализму. Действительно, большинство словацкого общества (в отличие от чешского), главным образом сельские жители, изначально не было расположено к социалистическому проекту модернизации с характерной коллективистской и уравнилительной идеологией. Но по мере его осуществления и как результат постепенного преодоления периферийного положения страны в современной цивилизации, с этим проектом отождествилось. В сознании значительной части словацкого общества период 1948–1989 гг. тесно связан с улучшением социального положения и ростом личного благосостояния. Поэтому при демонтаже прежней системы и ее трансформации антикоммунистический дискурс в словацком обществе явно не преобладал.

Либеральная (посткоммунистическая и постиндустриальная) модернизация общества в Словакии, как и в Центральной и Восточной Европе в целом, преследовала цель перехода к западной – демократической – цивилизационной модели (вестернизации). “Бархатные” революции (и последующие “цветные”) осуществлялись в интересах не отдельных классов, а развития гражданского общества и перехода к рыночной экономике в недавнем прошлом преимущественно традиционных обществ восточно-европейского типа⁸. Речь шла, прежде всего, об их модернизации политической. Однако при этом подразумевалась полная трансформация жизненных основ, культуры и менталитета народов региона⁹. Сущность и результаты этих глубинных процессов, продолжающихся уже четверть века, а в Словацкой Республике (СР) – в течение 20-и с лишним лет истории самостоятельного государства, раскрывают проведенные в стране конкретные социоземпирические исследования по завершении поколенческого цикла перемен. По сути, главный вывод специалистов звучит на первый взгляд неожиданно: “Словакия и в XXI в. остается социально консервативной и преимущественно сельской страной. ...Поэтому здесь невозможно в XXI в. создать радикально несельское и космополитичное общество”¹⁰. С течением времени развеялись и иллюзии реформаторов о цивилизационных сдвигах в результате естественной смены поколений¹¹, возможно, именно в Словакии особенно безнадёжные. Более того, многие проблемы консолидации демократии и даже ее регресс оказались следствием уже не только “наследия прошлого”, но и самой неолиберальной трансформации¹².

⁶ Пекник М., Плавкова О. Особенности формирования исторического сознания граждан Словакии. – Восточноевропейские исследования. Международный журнал по социальным и гуманитарным наукам, 2007, № 6, с. 103-104.

⁷ Kde sme? Mentálne mapy Slovenska. Bratislava, 2010, s. 9.

⁸ Специфика развития национальных сегментов словацкого общества, прежде всего венгерского (около 10% населения страны), находится за пределами рассмотрения в данной статье. Однако с большой долей уверенности можно утверждать, что общие тенденции либеральной модернизации, как и социалистической, преобладали над их национально-особенными чертами.

⁹ Новую модель модернизации от предшествующей, которую принято считать консервативной, отличала ориентация не столько на материальную, сколько на духовную сторону общественной жизни. См.: Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. Стремление изменить “ментальное устройство” большинства словацкого общества продолжает и поныне восприниматься некоторыми сторонниками и проводниками вестернизации страны как ключевая проблема ее развития. См.: Kde sme? S. 12.

¹⁰ Buzalka J. Od štátu slovenského národa k multietnickej demokracii? – Odkiaľ a kam: 20 rokov samostatnosti. Bratislava, 2013, s. 164.

¹¹ Bútorová Z. Ako chutí slovenská samostatnosť: peripetie a paradox vývoja verejnej mienky. – Odkiaľ a kam: 20 rokov samostatnosti, s. 144.

¹² Marušiak J. Už nie Východ – ešte nie Západ? Slovanská politika po roku 1993 medzi tradíciou a súčasnosťou. – 20 rokov samostatnej Slovenskej republiky, s. 377.

Еще в межвоенной Чехословакии существовало представление о словацком народе как гомогенной коллективности, не обладающей отчетливой социальной и политической дифференциацией. В значительной мере это было обусловлено характером социальной структуры словацкого общества, довольно низким уровнем его образования и благосостояния, слабой традицией гражданского общества в западном понимании. Однако в отличие от западноевропейских стран в Словакии и большинстве других “новых демократий” и после 1989 г. партийные структуры продолжали формироваться на основе политизации культурных или ценностных, а не социально-структурных различий. “Словацкие интересы” долгое время представляла католическая и национально-ориентированная Глинковская словацкая народная партия (ГСНП; в период Словацкого государства 1939–1945 гг. именовавшаяся ГСНП – Партия словацкого народного единства), или “людаки”, после Второй мировой войны – национально-ориентированные коммунисты, а в 90-е годы XX в. – партия Движение за демократическую Словакию (ДЗДС) во главе с премьер-министром В. Мечьяром.

Уже в самом начале либеральных реформ понятие “экономическая трансформация” воспринималось весьма различно словаками и чехами. В 1992 г. две трети словацких граждан высказали неудовлетворенность происходившими после 1989 г. переменами. Ровно столько же успело ощутить снижение своего уровня жизни¹³. Так возникла массовая основа раздела федеративной Чехо-Словакии политическими элитами обеих республик в 1993 г., хотя большинство словацкого населения не стремилось к полноценной государственности, по меньшей мере в силу “врожденного консерватизма” (Я. Рыхлик). Возникавшие в словацком обществе в 1990-е годы конфликтные линии в вопросах отношения к политическому режиму и его внешнеполитической направленности в условиях “мечьяризма” вылились в основное противостояние сторонников двух различных версий модернизации. Одна из них – консервативно-национальная, или так называемый словацкий путь трансформации, по характеру полуавторитарная и неотрадиционалистская. Другая – вестернизаторская, либерально-демократическая¹⁴. Первая ставила под сомнение “генеральную линию” посткоммунистической модернизации – прозападную цивилизационную ориентацию Словакии.

Поляризация взглядов в вопросе направленности развития СР остро обозначилась в период 1994–1998 гг., когда страна, как говорили, “отклонилась” в своем развитии от траектории других центральноевропейских стран (Чехии, Польши, Венгрии). Противоборство двух главных, скорее культурно-политических, линий – “мечьяризма” (его называли “нелиберальной демократией”) и “антимечьяризма” – на парламентских выборах 1998 г. в условиях значительной электоральной мобилизации (через оппозиционные политические партии, неправительственные организации и СМИ) завершилось победой либерально-демократического блока. Для Словакии это был второй революционный сдвиг, равный по значению событиям 1989 г. Последовал новый этап общественной трансформации, смысл которого сводился к “усилению стандартных принципов рыночной экономики”¹⁵. В следующий переломный момент современной истории СР – 2002 г. – широкую правительственную коалицию, находившуюся у власти с 1998 г., сменило правительство правоцентристских сил. Оно проводило политику глубоких экономических и социальных реформ вплоть до 2006 г., осуществив в этот период евроинтеграцию страны одновременно с остальными участниками ее “первого эшелона”. Тогда же с десятилетним запозданием Словакия была переведена на “рыночные рельсы” через экспансию иностранного капитала. В 2002–2006 гг. некоторые регионы страны, прежде всего западные, радикально изменили свой внешний облик,

¹³ Krivý V. Štátoprávne postoje a predstavy verejnosti na Slovensku v roku 1992. – 20 rokov samostatnej Slovenskej republiky, s. 135.

¹⁴ Marušiak J. Konzervatívni komunisti, modernistickí konzervatívci. Konzervatívny diskurs na Slovensku v prvej polovici 90. rokov 20. storočia. – Za zrkadlom politiky. Bratislava, 2010, s. 199.

¹⁵ Morvay K. Stratégia a priebeh ekonomickej transformácie na Slovensku. – Ekonomický časopis, 2005, № 3, s. 6.

а словацкое общество – структуру и принципы существования¹⁶. Не сразу, но год от году все больше свое место в трансформированной общественной системе осознавали представители новых групп и слоев, что привело к важному сдвигу в их электоральном поведении. Однако какие же реальные социальные процессы, составляющие сущность посткоммунистической модернизации словацкого общества, этому сдвигу непосредственно предшествовали?

Так называемая реструктуризация экономики страны привела к возникновению категории экономически самостоятельных, т.е. преимущественно мелких, частных предпринимателей, прежде почти отсутствовавшей в стране. В период форсированных либеральных реформ рост их численности значительно ускорился, особенно в среде в наибольшей степени “выигравшей” от них образованной братиславской молодежи. Но и до начала этих реформ, в 2001 г., эта группа уже декларировала вдвое более высокий уровень доходов по сравнению с сервисным классом, к которому относят высококвалифицированных специалистов и управленцев. Их представленность среди населения, напротив, снизилась. Увеличение различий между группой “самостоятельных” и остальным обществом явилось главной тенденцией социальной динамики в СР на протяжении всего рассматриваемого периода. Другой важнейший структурный процесс заключался в том, что наполовину сократилась доля квалифицированных рабочих и мастеров, доминировавшая в социалистической экономике. Теперь эту роль приняли на себя низкоквалифицированные рабочие, ряды которых пополнились за счет квалифицированных (индустриальная занятость в СР, как и ЧР, продолжает превосходить средние показатели по ЕС примерно на 10%). Из части прежнего рабочего класса сформировался “андеркласс” или маргинализированные слои населения, существующие за счет поддержки государства. В Словакии, как и Чехии, их называют “неприспособившимися”.

Переход к рыночной экономике сопровождался распадом крестьянских кооперативов, но и постоянным уменьшением числа единоличных крестьян. В результате в полусельской Словакии произошло падение занятости в сельском хозяйстве с 14,4% в 1989 г. до 3,1% в 2011 г. (ниже среднего по ЕС и соседним странам)¹⁷. Это уже угрожает самому существованию аграрного производства как традиционной сферы занятости населения страны. Снижение числа рабочих и крестьян является причиной стремительного роста в недавнем прошлом несуществовавшей в стране безработицы. С самого начала 1990-х годов Словакия принадлежит к числу европейских государств с высшим уровнем безработицы, а с 2003 г. сохраняет первенство по количеству долговременно (свыше года) безработных. Оно достигает сейчас 60% всех безработных или 8,6% экономически активных¹⁸. Речь идет о людях, вероятно навсегда исключенных из общественной жизни, их особенно много в восточных и южных регионах страны. Наконец, за годы реформ не регистрировалось значительных позитивных перемен в структуре сложности труда. Но нарастало, хотя и довольно невысокими темпами, минимальное на рубеже 1980–1990-х годов неравенство трудящихся в доходах (оно все еще меньше по сравнению со странами региона и среднего по ЕС)¹⁹.

Нынешняя модель социальной стратификации словацкого общества напоминает пирамиду с мощным основанием из нижних слоев (их доля относительно стабилизировалась), невыразительной серединой и минимальной верхней частью. Она не соот-

¹⁶ *Коровицына Н.В.* Социально-структурные изменения в Словакии после 1989 г. – Социальные последствия войн и конфликтов XX в. М., 2014.

¹⁷ *Bunčák J., Džambazovič R., Hrabovská A., Sopóci J.* Sociálne nerovnosti: storočie zmien. – Ako sa mení slovenská spoločnosť. Bratislava, 2013, s. 50.

¹⁸ *Tieňová správa o chudobe a sociálnom vylúčení v Slovenskej republike.* Bratislava, 2012, s. 17.

¹⁹ *Bunčák J., Džambazovič R.* Statusové a príjmové nerovnosti ekonomicky aktívnych obyvateľov Slovenska. Analýza výsledkov sociologických výskumov. – Desať ročia premien slovenskej spoločnosti. Bratislava, 2011, s. 218.

ветствует западноевропейской модели с характерным доминированием среднего класса²⁰. В Словакии этот класс характеризуется слабой представленностью и влиянием в обществе, за годы либеральных преобразований по уровню доходов и престижности труда он был “опущен” на уровень нижних слоев. Неудивительно, что сложившаяся после 1989 г. в СР система социальной стратификации получила определение “темной стороны ее постсоциалистической трансформации”²¹. В целом, после 1989 г. в стране возникли такие виды социальных неравенств, которые были ей в предшествующие десятилетия неизвестны, а нисходящая мобильность преобладала над восходящей, что формировало соответствующий общественный настрой²².

Взросший за последнюю четверть века в Словакии масштаб и изменившийся профиль бедности (она теперь предопределяется не демографическими показателями, особенно семейным положением, а положением на рынке труда) все больше воспринимались людьми как несправедливые и незаслуженные. Согласно данным 1999 и 2010 гг., словаки, как и другие народы региона, видели причины бедности скорее в социальных факторах, а уже не индивидуальных, как в 1991 г.²³ Свыше 90% населения расценивает сложившиеся различия в доходах как слишком большие, и свыше трех четвертей желает их снижения. Большинство общества, долгое время остававшегося сельским и не так давно индустриализированного, где поныне сохраняется значительная доля нижних слоев и преобладание спроса на работников ручного труда, считает материально переоцениваемыми профессии высококвалифицированного, управленческого труда и недооцениваемыми – профессии преимущественно физического, рутинного труда²⁴.

Посткоммунистическая модернизация имеет и демографическое измерение. Оно заключается не только в превращении рассматриваемой группы стран уже в первое десятилетие после 1989 г. в регион с естественной убылью населения, а особенно после вступления в ЕС в 2004 г. – и с массовой миграцией за рубеж. Именно усилением социальных различий и появлением “проигравших” от смены общественной системы групп общества в Словакии, как и соседних с ней странах, объясняется отчетливое к началу нового века становление здесь новой модели воспроизводственного и семейного поведения. Оно выразилось, в первую очередь, в ослаблении связи между браком и рождением детей или стремительном росте доли внебрачных детей. В течение многих лет во второй половине XX в. этот показатель держался в Словакии на уровне 5–7%, но в 2011 г. достиг 34% всех рожденных детей. Перемены концентрировались в среде людей с низким социальным статусом²⁵. Демографическое поведение высокообразованных женщин при этом по-прежнему характеризуется как “традиционное”²⁶. У них по состоянию на 2009 г. всего 18% первых детей рождалось вне брака, тогда как у женщин с неполным средним образованием – 80%²⁷.

В Словакии особенно отчетливо проступила связь феномена “свободного материнства” (и общего снижения количества браков и рождений) не с наступлением второго демографического перехода в результате смены системы ценностей, как за

²⁰ *Džambazovič R.* Rôzne podoby chudoby na Slovensku. – *Chudoba v slovenskej spoločnosti a vzt'ah slovenskej spoločnosti k chudobe*. Bratislava, 2006, s. 110.

²¹ *Sopóci J.* Nová podoba sociálnej stratifikácie – odvrátená tvar postsocialistickej transformácie Slovenska. – *Sociálna patológia optikou sociologického skúmania*. Bratislava, 2013.

²² *Bunčák J., Džambazovič R., Hrabovská A., Sopóci J.* Sociálne nerovnosti na Slovensku. Bratislava, 2011.

²³ *Strapcová K.* Vnímanie príčin chudoby na Slovensku. – *Chudoba v slovenskej...*, s. 265.

²⁴ *Bunčák J., Džambazovič R., Hrabovská A., Sopóci J.* Sociálne nerovnosti: storočie zmien, s. 77, 79.

²⁵ *Potančoková M.* Rodina a životné dráhy mladých dospelých. – *Ako sa mení slovenská spoločnosť*, s. 109.

²⁶ *Džambazovič R.* Rodinné správanie v demografických dátach. Bratislava, 2012, s. 32.

²⁷ *Potančoková M.* Zmena reprodukčného správania populácie Slovenska po roku 1989: trendy, príčiny a dôsledky. – *Desaťročia premien slovenskej spoločnosti*, s. 56.

два десятилетия до этого в Западной Европе, а со спецификой социальных перемен в годы реформ. Словакия (в отличие от Чехии) находится к востоку от так называемой линии Гайнала, уже несколько столетий разделяющей европейский континент на два исторических типа семейного поведения, характерных для аграрного востока и индустриального запада²⁸. Восточноевропейский тип семейного поведения сохранялся в Словакии и в ходе социалистической модернизации. На ее завершающем этапе в результате политики нивелирования воспроизводственного поведения различных социально-образовательных групп общество современного типа сочеталось с традиционными семейными системами²⁹. Но, начиная с поколения 1960-х годов рождения, положение меняется. Нижние слои общества отказываются от консервативных семейных ценностей и образцов, однако, в силу социально-экономических обстоятельств, а не модернизационных факторов.

Особенность современной цивилизационной динамики словацкого общества – противоположная по направленности периоду социализма – проявилась и в развернувшихся с начала 1990-х годов процессах его дезурбанизации, деконцентрации и увеличении и так немалой (43–44%) доли сельского населения. Одновременно нарастали различия между городом и селом, тем более разительные после завершения политики “стирания граней” между ними в предшествующий период.

На протяжении всего периода неолиберальной трансформации словацкого общества происходил рост небольших городов с численностью населения до 10 тыс. человек и крупных сельских поселений (от 500 до 5 тыс. жителей). Напротив, переживавшие деиндустриализацию города с более 10 тыс. жителей, особенно средние и крупные, как и самые небольшие сельские поселения, характеризовались убылью населения³⁰. Миграция из городов в сельскую местность достигла высших значений на пике словацких реформ в 2002–2004 гг. Но снижение численности городского населения регистрируется уже с 1996 г., главным образом за счет процессов субурбанизации. Люди начали тогда переезжать в окрестности сначала столицы Братиславы, а после 2001 г. и остальных не только крупных, но также средних и малых городов – часто на “малую родину” своих ближайших предков³¹. Произошел своего рода “ренессанс села”, связанный не в последнюю очередь с ростом привлекательности жизни в собственных семейных домах, владение которыми традиционно обладает чрезвычайно высокой символической ценностью для всех словаков, отцы и деды которых в большинстве своем были сельскими жителями.

Вместе с тем само село в условиях неравномерного развития после смены систем и углубления его цивилизационного отставания от городов, особенно по показателям слабого человеческого потенциала, теряло связь с сельскохозяйственным производством как его экономической основой. Проблемы с занятостью отражались на социокультурной ситуации в селах, составляющих каркас крайне раздробленной поселенческой структуры в Словакии: в 90% их менее 2 тыс. человек. Многие из них, оказавшиеся в наиболее неблагоприятном социально-экономическом положении, переживали депопуляцию, здесь формировались “острова бедности” со своими нормами жизни и ценностями социально-исключенных групп (нередко цыганского) населения.

Пояс проблемных в экономическом, социальном, демографическом, культурном отношениях регионов сформировался в южных и восточных частях страны. Уже к концу 1990-х годов возникло четкое деление на богатый северо-запад (с центром в Братиславе и ее окрестностях – этот регион стал одним из самых процветающих в ЕС, опередив Прагу) и бедный юго-восток. В последующий период, который в Словакии

²⁸ Подробнее см.: *Коровицына Н.В.* Процессы трансформации чешской семьи в середине XX – начале XXI века. – Новая и новейшая история, 2014, № 1.

²⁹ *Džambazovič R.* Rodinné správanie v demografických dátach, s. 101.

³⁰ *Gajdoš P.* Mestá – vidiek – region. – Ako sa mení slovenská spoločnosť, s. 141.

³¹ *Gajdoš P.* Vývojové zmeny v sociálno-priestorovej situácii Slovenska. – Desaťročia premien slovenskej spoločnosti, s. 65; *Moravanská K.* Špecifika suburbanizácie na Slovensku. – Ibid., s 89.

считают посттрансформационным, сложившаяся поляризация сохранилась и углублялась. Появление обширных “отстающих” регионов и поселений, число которых нарастает с запада на восток страны, объясняется словацкими обществоведами не чем иным, как несовместимостью их действительности с культурными образцами нового этапа модернизации³².

Несмотря на происходившие после 1989 г. перемены, жители Словакии демонстрировали удивительную стабильность своих базовых ориентаций. Как и везде, переход к обществу потребления сопровождался здесь увеличением важности свободного времени, но более медленными темпами по сравнению с западноевропейскими странами. Труд продолжал оставаться для словаков приоритетной по сравнению с досугом ценностью³³. Новое веяние покупок в торгово-развлекательных центрах (“покупок для радости и развлечения”) не получило в Словакии с ее невысоким уровнем благосостояния широкого распространения, как, например, в Польше. В то же время в СР особенно велика (ровно треть) доля людей, желающих больше времени посвящать оплачиваемому труду (что может быть связано в том числе с высокой долговременной безработицей и сельским или полусельским образом жизни большинства населения). А свободное время словаки чаще других народов посвящают “полезным” видами деятельности – благоустройству своего дома, приусадебного участка и ручным работам. 44% населения Словакии занимается этим в свободное время ежедневно или несколько раз в неделю³⁴.

Любопытно, что еще исследование 1984 г. свидетельствовало об устойчивой склонности словаков с их крестьянскими корнями к производительной деятельности и “земельной ориентации” (*zemitost'*) этого народа, характерной в том числе и для интеллигенции – основная ее часть была интеллигенцией в первом поколении. Способ использования ею свободного времени оказался тогда зависимым от обладания земельным участком в большей степени, чем от социальной принадлежности. Исследователи констатировали: “Интеллигенция (и не только она), владеющая землей, в своей деятельности в послерабочее время похожа на подгруппу рабочих, владеющих землей”³⁵. Последние данные показали, что ситуация с того времени мало изменилась, в том числе в среде городских жителей.

Словацкое общество не отказывалось от своих культурных традиций в период посткоммунистической модернизации, а, скорее, возвращалось к ним. Для Центральной и Восточной Европы в целом после 1989 г. характерна отличная от западноевропейской тенденция десекуляризации и деприватизации религии. “Тезис о нарастании секуляризации прямо пропорционально нарастанию модернизации для исследуемого региона не подтвердился”³⁶. Более того, на фоне роста материалистических ориентаций при “переходе от социализма к капитализму” Словакия стала единственной в Центральной Европе страной, где, особенно в период национального подъема 1990-х годов, произошел рост уровня религиозности. Причем по показателям распространенности и христианской веры, и церковной практики (при стабильном уровне внецерковной практики) Словакия стала одной из наиболее традиционалистских “цитаделей” католицизма в современной Европе. Примечательно, что связь уровня религиозности с социальной принадлежностью ослабла. А с возрастом религиозность возрастает. Сравнение ее уровня для трех поколений нынешних жителей страны показало, что характер религиозной социализации не является значимым: половина людей старшего

³² *Gajdoš P.* Mestá – vidiek – region, s. 172.

³³ *Chorvát I.* Vol'ný čas na Slovensku v sociologickej perspektíve. – Vol'nočasové activity obyvateľ'ov Slovenska: poznatky z aktuálnych výskumov. Bratislava, 2011, s. 23.

³⁴ *Chorvát I.* Poznámky ku skúmaniu vol'nočasových aktivít na Slovensku v komparatívnej perspective. – Desat'ročia premien slovenskej spoločnosti, s. 132.

³⁵ *Radičová I.* O zemitosti nášho vol'ného času. – Sociológia, 1989, № 4, s. 445.

³⁶ *Podolinská T., Krivý V., Bahna M.* Religiozita: Slovensko a jeho susedia. – Ako sa mení slovenská spoločnosť, s. 242.

возраста, выросших в период социализма, принадлежит к категории “сильно религиозных”³⁷.

Несмотря на значительные сдвиги в социальной структуре населения Словацкой Республики, обусловленные радикальными рыночными реформами правоцентристских сил в 1998-2006 гг., общекультурное, цивилизационное измерение словацкого общества сохраняло свою чрезвычайную значимость при осуществлении его посткоммунистической модернизации. Как свидетельствуют объективные данные, общественное развитие продолжало “отклоняться” от ее “стандартной” траектории и тенденций социальной динамики западного типа и даже шло вразрез с ними³⁸. Но это не все. В условиях ухудшения экономического положения широких слоев населения, роста социальных неравенств и недовольства граждан выявившееся “цивилизационное несоответствие” содержало потенциал его политической активизации. В какой форме он проявился?

Со времени парламентских выборов 1998 г. в Словакии набирало силу состоявшееся только к 2002 г. и усилившееся в условиях политической борьбы “за” и “против” реформ после 2006 г. деление общества на сторонников левых и правых партий, практически не выраженное в период “мечьяризма”. Этот процесс, вызванный увеличением социально-классовых различий между двумя группами избирателей – “выигравших” и “проигравших” в результате перемен, – достиг максимального проявления на выборах 2010 г. Тогда за оба противоположных политических блока в общей сложности проголосовало четыре пятых избирателей³⁹. Однако в течение следующих двух лет поддержка правых партий, выступающих за продолжение либеральных преобразований, резко снизилась: шло не столько межпартийное, сколько межблоковое перемещение голосов избирателей, все больше склоняющихся к идее социального государства. В результате совершился фактически возврат к хорошо известному в новейшей истории Словакии доминированию одной партии – теперь партии “Направление – социальная демократия” (Смер-СД) – под руководством критика экономических реформ 2002–2006 гг. и нынешнего премьер-министра СР Р. Фицо. Эта политическая партия декларирует себя как левая, но считается национально-популистской (“мягкий” популизм в отличие от “твердого” у ДЗДС). На досрочных парламентских выборах 2012 г. впервые за прошедшие 22 года после ликвидации монополии коммунистов партия Смер-СД стала единственной правящей. А социально-классовый фактор электорального поведения в сильной мере утерял дифференцирующую силу в пользу этнического и религиозного: в формировании партий вновь возобладала тенденция политизации ценностных ориентаций, а не социально-структурных. Речь идет даже не столько о ценностях, сколько о цивилизационных ориентациях словацкого общества. Впрочем, не одного его в регионе, до Второй мировой войны относившегося преимущественно к аграрной периферии западной части европейского континента.

Важнейшим, многократно подтвержденным результатом социологических исследований в Словацкой Республике является постулат о предопределенности ценностных различий словацкого населения по оси город – село. Все проводившиеся в стране после 1989 г. политические выборы отчетливо свидетельствовали о различиях в электоральном поведении прежде всего жителей города и села. Здесь даже принято делить партии на городские и сельские. Сельское население и после “перехода к демократии” предпочитает авторитарный стиль правления, принципы этатизма, социальной защиты, национальные и религиозные ценности⁴⁰. Наиболее популярной в среде сельского электората долгое время оставалась ДЗДС В. Мечьяра. Избирательная

³⁷ Ibid., s. 246.

³⁸ Krivý V. Záver. – Ako sa mení slovenská spoločnosť, s. 387.

³⁹ Gyárfášová O., Krivý V. Vzorce voličského správania. – Ako sa mení slovenská spoločnosť, s. 264.

⁴⁰ Krivý V. O voličoch a volebných výsledkoch: dlhší pohľad späť. – Desaťročia premien slovenskej spoločnosti, s. 22-23.

поддержка партии Смер-СД на первых выборах с ее участием в 2002 г. в городах была несколько выше, чем в сельской местности. Однако на последующих выборах (2006 и 2010 гг.) по электоральным показателям она совершила “сдвиг к селу”, получив там большинство сторонников. Триумф единственной левой партии Смер-СД на выборах 2012 г. (44,4% всех голосов) определялся ее превращением в новую общесловацкую партию.

В преимущественно городской по составу населения Словакии это было вызвано двумя факторами. Не только стабильно более высокой после 1989 г. избирательной активностью сельских жителей: среди них особенно много тех, чье социально-экономическое положение в этот период ухудшилось, т.е. “проигравших” (они шли на выборы, чтобы, скорее, воспрепятствовать переменам, чем их поддержать). Но и тем, что на рубеже первого и второго десятилетий нового века ряды сторонников Смер-СД пополнялись и за счет горожан. Большую роль сыграло преобладание сельского типа избирательного выбора в самой городской среде. Что соответствует представлению о словацком обществе как по-прежнему в большей степени сельском, посткрестьянском, чем городском, с точки зрения культурной или ментальной⁴¹. А партия Р. Фицо выступила в качестве электоральной наследницы партии В. Мечьяра: регионы, составляющие их “массовый оплот” практически совпадают.

Интересный вывод проведенных в стране уникальных исследований относится к сфере “исторической географии отстающего модерна в Словакии” или “территориально-избирательного наследия” времен первой Чехословацкой Республики 20–30-х годов прошлого века⁴². Были изучены показатели динамики самых больших избирательных предпочтений в 12 наименее развитых регионах Словакии за 84 года. При этом сопоставили электоральные результаты наиболее успешных на рубеже XX–XXI вв. ДЗДС и Смер-СД по этим регионам страны, с одной стороны, и индикаторы их же цивилизационного развития (точнее, отставания, прежде всего неграмотности, а также демографического поведения и др.) по состоянию на 1930 г.⁴³ – с другой. Обнаружена тесная “отложенная” связь уровня общественного развития, существовавшего в межвоенный период, с нынешней политической культурой, которая в рассмотренных регионах по-прежнему характеризуется преобладанием традиционализма. Особенно любопытно, что наиболее популярные словацкие партии 1990–2012 гг. получали максимальную поддержку именно в регионах доминирования вышеупомянутых “людаков” или Глинковской словацкой народной партии и на преимущественно аграрных территориях первой половины XX в. Таким образом, в прошлом “досовременная” общественная среда остается, если уже не социальной, то, безусловно, культурной основой исключительного избирательного успеха крупнейших партий периода демократизации. К их числу, кроме ДЗДС, относится Словацкая национальная партия, а с 2006 г. – Смер-СД.

В то же время в словацком обществе слабо представлены традиции либеральной направленности, несмотря на рост социальных различий и увеличение электорального влияния города по сравнению с дореформенным периодом. Быстрое “исчерпание” мобилизационного потенциала либеральных политических элит в СР объясняется не только последствиями тяжелых для общества рыночных реформ. Массовые настроения изменились на вершине евроинтеграционного “бума” и еще до начала мирового экономического кризиса в силу вышеупомянутого “цивилизационного несоответствия”. В целом, в стране не существует исторических партий, поэтому после 1989 г. многочисленные политические субъекты возникали и вскоре исчезали. Оставались неизменными лишь длительные культурные традиции народов (словацкого и венгер-

⁴¹ Krivý V. Výsledky volieb'12: čo sa zmenilo, čo zostáva. – Slovenské volby'12: čo im predchádzalo, postoje a výsledky. Bratislava, 2012, s. 82.

⁴² Ibid., s. 48.

⁴³ Roupá M. Demographic behavior and modernization process: a cross-sectional study of fertility determinants in Slovakia 1930. – Slovak Sociological Review, 2012, № 3.

ского) как коллективных идентичностей и предпочтение ими политических партий, основанных на трех столпах – социальном, национальном и религиозном, поэтому являющихся партиями “широкого профиля”. Причем носителями национальной идеи в СР являются партии не правого, а левого, социально-ориентированного, крыла. Эта особенность общественно-политической жизни, в той иной степени характерная для большинства “новых демократий”, регистрируется в Словакии применительно как к началу второго десятилетия XXI в., так и далеким от него периодам национальной истории XX в.

В переломные моменты развития страны ее культурно-политическая специфика выходит на первый план. Так было на начальном этапе либеральных реформ, накануне образования в 1993 г. самостоятельного словацкого государства, и после их завершения. В 2012 г. сразу после победы партии Р. Фицо Смер-СД и несмотря на нее словацкое общество демонстрировало наиболее высокий даже по сравнению с 1998 г., перед поражением В. Мечъяра и сменой курса, уровень пессимизма. Он соответствовал крайне критическому настрою словаков, свыше половины которых не соглашалось именно с направлением общественного развития⁴⁴. Одновременно резко снизилась и эмоциональная идентичность граждан СР, их чувство гордости за свою страну до самых низких за предшествующее десятилетие значений. Подобные настроения контрастируют со временем индустриальной модернизации периода социализма. Характерная для него высокая социальная динамика восходящей направленности, согласно широко известному исследованию 1967 г. под руководством П. Махонина, порождала во всех группах словацкого общества ощущение принадлежности к более высокому его слою по сравнению с соответствующими слоями чешского общества⁴⁵.

Первые два десятилетия нового этапа модернизации окончились, скорее, с противоположным итогом. Оказалось, что изменение условий социального продвижения по сравнению с периодом до 1989 г. беспокоит людей даже больше, чем проблемы уровня жизни: распространено представление, что “бархатная” (в Словакии – “нежная”) революция не привела к предполагавшемуся равенству возможностей на основе трудового участия. А в сильной мере утерянные социальные права и гарантии оказались для словацких граждан гораздо более значимыми, чем полученные политические права и свободы⁴⁶. К тому же лишь 39% словаков считает, что может влиять на политические решения больше, чем поколение их родителей в период социализма⁴⁷. Одновременно растет разочарование в результатах евроинтеграции, с которой словаки также связывали завышенные ожидания в решении проблем страны. Всем этим может объясняться стабильно самое низкое в ЕС участие словаков в выборах в Европарламент: в 2004 г. оно составило 17,0%, в 2009 г. – 19,6%, а в 2014 г. упало до 13,0% всех избирателей.

Несмотря на политические и экономические сдвиги после 1989 г., Словакия и другие посткоммунистические страны региона Центральной Европы последовательно демонстрируют неизменность ключевой традиции социально-ориентированного национального консерватизма⁴⁸. Результаты развития словацкого общества за прошедшую

⁴⁴ Bútorová Z., Gyárfášová O. Contemporary Slovakia in public opinion. – Slovakia 2012: trends in quality of democracy. Bratislava, 2013, s. 125.

⁴⁵ Roško R., Podoláková K., Jančovičová J. Sociálna štruktúra slovenskej a českej spoločnosti (pokús o komparáciu). – Československá spoločnosť. Bratislava, 1969, s. 495-497.

⁴⁶ Bútorová Z., Gyárfášová O. Slovensko na prahu tretej dekády slobody: kontúry participatívneho paradoxu. – Občianstvo, participácia a deliberácia na Slovensku: teória a realita. Bratislava, 2010, s. 151.

⁴⁷ Bútorová Z., Gyárfášová O. Verejná mienka. – Slovensko 2009. Súhrnná správa o stave spoločnosti a trendoch na rok 2010. Bratislava, 2010, s. 248.

⁴⁸ Somolányi S. Slobodné voľby v strednej Európe po dvadsiatich rokoch: čo vypovedajú o stave a perspektívach demokracie? – Slovenské voľby '10: šanca na zmenu. Bratislava, 2011, s. 21.

четверть века подтверждают устойчивость его важнейших культурных параметров перед вызовами вестернизации, своеобразие его цивилизационного пути, тяготеющего к восточноевропейским образцам. Осмысление особенно характерного для всего бывшего социалистического блока современного словацкого опыта и в целом восточноевропейского пути развития⁴⁹ (через два этапа общественной трансформации – середины и конца прошлого века) создает плодотворную почву для более глубокого понимания базовых историко-социологических понятий – модернизация, Модерн, Традиция.

⁴⁹ Изучение этой чрезвычайно актуализировавшейся в наши дни проблематики в России после 1991 г. практически прекратилось. Однако на Западе с 1974 г. активно и масштабно функционирует Международный комитет по центрально- и восточноевропейским исследованиям, в центре внимания которого находятся вопросы истории и культуры региона “от Праги до Владивостока” “досоветского, советского и постсоветского периодов”.